

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Лопе
де Вега

Благоразумная
мечта

Перевод с испанского
Александра Смирнова

Новеллы

Лопе де Вега

Благоразумная месть

«ФТМ»

де Вега Л.

Благоразумная месть / Л. де Вега — «ФТМ», — (Новеллы)

© де Вега Л.

© ФТМ

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Лопе де Вега

Благоразумная месть

Заверяю вашу милость, которая требует от меня рассказа на эту тему, что не знаю, сумею ли я заслужить ваше одобрение, ибо если у каждого писателя есть свой гений, которому он себя посвящает, то мой гений не может проявиться в этом, хотя многие и думают иначе. Гением же, если ваша милость этого не знает, – а она вовсе не обязана быть в этом осведомленной, – называется та склонность, благодаря которой мы предпочитаем одни предметы другим, а потому изменять своему гению – значит отказывать природе в том, чего она вправе от нас требовать, как сказал об этом один сатирический поэт.

В древности считали местопребыванием гения лоб, ибо по лбу можно узнать, делаем ли мы какое-нибудь дело с охотой или против желания. Но это не совпадает со взглядами Платона и Сократа, Плутарха и Брута,¹ а также Вергилия, который полагал, что каждое место обладает своим гением, и потому писал:

Так говорил он гениям тех мест,
Чело которых, как венком, обвито
Зеленой ветвью, и богине Гее,
Первейшей меж богинями, и нимфам.
И рекам, умоляя их смиренно.²

Но я должен сначала оговориться и сказать, что не без радости служу я вашей милости, хотя для моей природной склонности занятие это и не совсем привычно, в особенности же сочинение этой новеллы, в которой я, против своего желания, должен быть трагиком, а это мало приятно тому, кто, вроде меня, все время находится вблизи Юпитера.

Но так как все, что делается ради собственного удовольствия, ценится меньше того, что люди делают по принуждению, то ваша милость должна вознаградить мой труд и выслушать рассказ о женщине, видевшей мало радости в жизни, вышедшей замуж во времена менее суровые, чем наше, но, по воле божьей, оказавшейся в таком положении, которое устрало бы кого угодно, если бы ему грозила такая же опасность.

В роскошной Севилье – городе, славу которого не затмили бы и Великие Фивы,³ ибо если те обязаны этим названием своим ста вратам, то в единственные ворота Севильи входили и входят величайшие сокровища,⁴ которыми на памяти человеческой обладал мир, – жил Лисардо, молодой кабальеро хорошего рода, отличавшийся хорошей внешностью, хорошими способностями и хорошим характером; помимо этих богатств, он овладел еще теми, которые ему оставил отец, трудившийся весь свой век без устали так, как будто бы, отправляясь в другую жизнь, он мог унести с собой все, что заработал в этой. Лисардо преданно и пылко любил Лауру, девушку, известную своим хорошим происхождением, большим приданым и многими дарами, которыми ее наделила природа, создавшая ее, казалось бы, с особенной тщательностью.

¹ ... это не совпадает со взглядами Платона и Сократа, Плутарха и Брута... – Посмеиваясь над пристрастием многих авторов того времени к многочисленным ссылкам на ученых авторитетов античного мира. Лопе де Вега нагромождает здесь имена древних деятелей, никакого отношения не имевших к упоминаемой проблеме.

² Так говорил он гениям тех мест... – Вергилий. Энеида, песнь VII, ст. 135–138.

³ ... Великие Фивы, или Стократные Фивы (называемые так в отличие от Семивратных Фив в Греции) – город в древнем Египте.

⁴ ... в единственные ворота Севильи входили и входят величайшие сокровища... Севилья в те времена была портом, куда приходили корабли из заокеанских колоний Испании, доставлявшие золото и другие награбленные испанцами богатства Нового Света.

По праздникам Лаура вместе со своей матерью посещала церковь; она выходила из кареты с таким удивительным изяществом, что не только Лисардо, ожидавший ее появления у дверей церкви как нищий, чтобы взглядом молить о самой незначительной милостыне из сокровищницы ее глаз, – но и все, кому доводилось взглянуть на нее украдкой или же внимательно, мгновенно отдавали ей свое сердце.

Целых два года томился Лисардо этой любовной робостью, осмеливаясь говорить с Лаурой одними только глазами и нежными взглядами рассказывать ей о своих чувствах и описывать свои желания. Наконец в один счастливый день он увидел, что в ее доме слуги с веселым шумом и суматохой готовятся к праздничному обеду. Лисардо спросил одного из них, которого он знал больше, чем остальных, о причине этих приготовлений, и тот ответил ему, что Лаура и ее родители отправляются в свое загородное имение, где они собираются пробыть до наступления вечера. Севилья богата этими прелестнейшими садами, раскинувшимися на берегах золотого Гвадалквивира – реки, золотой не своими песками, доставившими у древних это название Герм, Пактолу и Тахо,⁵ воспетым Клавдианом:⁶

Их не насытит ни песок испанский,
Сокровище неистового Тахо,
Ни золото прозрачных вод Пактола,
Ни Герм, хотя б он до последней капли
От жажды высох, —

а теми богатыми флотилиями, которые входят в нее, нагруженные золотом и серебром Нового Света.

Узнав у слуги, где находится это имение, Лисардо нанял лодку и вместе с двумя своими слугами прибыл туда раньше, чем Лаура, и спрятался в самой отдаленной части сада. Вскоре приехала с родителями и Лаура; думая, что на нее смотрят только деревья, она в одной шитой золотом юбке и корсаже принялась бегать по саду, как обычно делают молоденькие девушки, когда из сурового домашнего затворничества вырываются на простор полей.

Такая одежда была бы к лицу и вашей милости, и, если я не ошибаюсь, однажды я видел вас, когда вы были одеты столь же небрежно, как Лаура, и были не менее прекрасны, чем она. Признание это вселяет в меня уверенность, что эта новелла сможет понравиться вашей милости, ибо если люди ученые любят, чтобы их называли гениальными, смелые – чтобы их называли Цезарями, щедрые – Александрами, а знатные – героями, то для женщин нет лучше похвалы, чем когда их называют красавицами. Правда, для подлинных красавиц эта похвала не имеет такого значения, но все же, если им об этом не говорить и не повторять затем множество раз, они сочтут себя дурнушками и будут чувствовать себя больше обязанными зеркалу, чем нашим любезностям.

Итак, Лисардо любовался Лаурой, а она, перебегая с одной дорожки на другую, настолько углубилась в сад, что оказалась совсем недалеко от него, и тут ее остановил ручей, который, как принято говорить в романах, шептал и смеялся; вот послушайте, например:

Ручеек со смехом мчится
Галькой, как зубами, блещет.
Чуть весны босые ножки
Он завидит в восхищенье.

⁵ ... доставившими у древних это название Герм, Пактолу и Тахо... – Герм, Пактол и Тахо – золотоносные реки, славившиеся в древности.

⁶ ... воспетым Клавдианом. – Клавдиан – позднелатинский христианский поэт IV–V в. н. э. Цитата приводится из его оды к Руфину.

Я привел эти стихи не случайно, так как ручей должен был засмеяться, увидев ножки Лауры, прекрасной как весна, когда она, отвечая на приглашение зеркальной воды и шумного песка, который образовывал маленькие островки и, желая задержать ее, соперничал с водою, – разулась и опустила свои ножки в воду, где они казались лилиями, лежащими под стеклом.

Но вот Лаура ушла (слова эти кажутся мне столь же полными значения, как выражение: «Здесь была Троя»). Ее встретили родители, весьма взволнованные, ибо отсутствие дочери показалось им слишком долгим, – настолько велика была любовь, которую они к ней питали. Как верно почувствовал это трагический поэт:⁷

Как тесны узы крови,
Которыми связала
Отца с ребенком мощная природа!

Они осыпали ее ласками, хотя Хремет и бранит Менедема⁸ за такое поведение, ибо Теренций не одобряет проявления родителями любви к детям.

Тем временем один из слуг Лисардо сообщил Фенисе, служанке Лауры, что здесь находится его господин. Слуга и служанка быстрее поладили между собой, поскольку менее заботились о своей чести. Он сказал ей, что они не взяли с собой никакой пищи, ибо Лисардо вполне мог довольствоваться одним созерцанием Лауры, – ведь слуги не умеют скрывать своих естественных побуждений и потребностей, которые с такою силою духа подавляют в себе люди благородного происхождения.

Фениса рассказала об этом Лауре, которая зарделась от стыда, как свежая роза; кровь взволновалась в ней, ибо сообщение о настойчивости глаз Лисардо вынуждало ее примирить в себе сердце и честь, желание и рассудок. И тихонько, чтобы как-нибудь не услышала ее мать, она сказала Фенисе:

– Никогда больше не заговаривай со мной об этом!

Фениса поверила суровости ее лица и лаконичности ее слов. Должен пояснить вашей милости, что слово это означает краткость, ибо лакедемоняне не любили длинных речей; мне кажется, что если бы они дожили до наших дней, то им пришлось бы немедленно умереть. Как-то раз пришел ко мне один идальго и заставил меня целых три часа выслушивать историю подвигов его отца в Индиях; когда же я наконец предположил, что он хочет, чтобы я написал обо всем этом книгу, он вдруг попросил у меня денег.

⁷ ... трагический поэт. – Имеется в виду Сенека Старший, которому приписываются десять трагедий. Лопе цитирует его трагедию «Федра», ст. 1114–1116.

⁸ ... хотя Хремет и бранит Менедема... – Хремет и Менедем – персонажи комедии Теренция «Сам себя наказующий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.